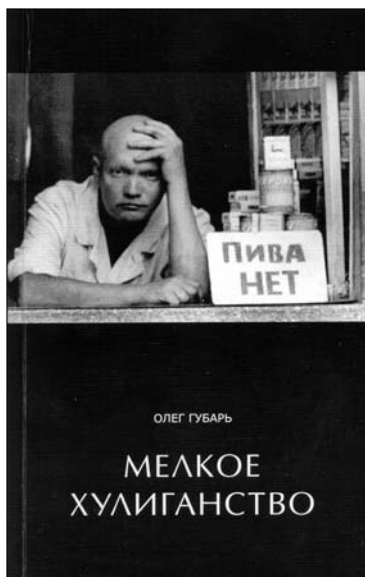

"Словно гуляка с волшебной тростью..."

Выходит Олег Иосифович Губарь из своего дома и с любовью и печалью вглядывается в морщины стареющей Одессы, скептически улыбается, замечая поспешно и неумело положенные румяна на ее благородный облик. Эти неспешные прогулки, во время которых он успевает побывать и в котлованах, вырытых под фундаменты будущих домов, где ждут его драгоценные находки в виде горлышек и доньшек бутылок позапрошлого века, обломки английских тарелок того же времени, фарфоровые осколки времен индустриализации и коллективизации с соответствующими мотивами росписей...

Нелюбопытному и равнодушному человеку это покажется блажью. Но Губарю эти напластования бытовой культуры — от прошлых десятилетий до прошлых веков — от пушкинской Одессы до времен античных поселенцев — настоящие "именины сердца"!

Конечно, археологические радости не превращают Олега Иосифовича в подобие того сухаря, который он всегда носит в своем кармане, и не мешают ему откликаться на вызовы нашего нынешнего бытия. Он выдумщик и придумщик многочисленных нетрадиционных выставок, он "почетный гражданин кулис" и столь же почетный завсегдаята винарок, хмельной воздух которых ему "горек и приятен". Из этих странствий по одесским улицам, вдоль одесских домов, мимо уцелевших эпистолярных фрагментов старой Одессы, из этих путешествий в прошлое и из этого общения с одесситами разных слоев и кругов, населявших город в былые времена и живущих здесь ныне, возникают, в конце концов, книги, кото-

рыми он нас одаряет. Их много. Последняя, совершенно в духе автора, иронично названная "Мелкое хулиганство", — "собрание пестрых глав, полусмешных, полупечальных", густо населенная героями, среди которых названные по именам и легко угадываемые, с разными темпераментами и житейскими ситуациями. В это многоголосье вплетается одинокое жалобное собачье "Пси" и вокабулы завсегдаятаев губаревской винарки. Ненормативная лексика — это, как по другим поводам говорит сам Олег Иосифович, "не моя группа товаров". Думается, что Губарь, вжившийся в античность, мог бы прослыть одесским Марциалом, "чье имя уже заставляет краснеть", как писал о нем Дидро Екатерине. Но Олег Иосифович, подобно Марциалу, мог бы написать:

"Книгу мою, покраснев, Лукреция в сторону бросит
Только при Бруте; уйди, Брут, уж наверно прочтет".

(Перевод Олега Неверова)

Так как в предисловии к "Мелкому хулиганству" нам обещана "встреча с хулиганством в особо крупных размерах", то можно представить себе уже зардевшегося Марциала, если бы ему привалило счастье прочесть будущую книгу Губаря.

Но отвлечемся от "Мелкого хулиганства".

Я не случайно использовала в заголовке мандельштамовскую строку. Меня все занимали строки из "Венецкой жизни, мрачной и бесплодной...":

И горят, горят в корзинах свечи,
Словно голубь залетел в ковчег...

Эти корзины представились мне гондолами, (ассоциация с корзинами-гондолами воздушных шаров), с горящими свечами, отправляющимися на Сан-Микеле... С большим интересом я читала построчный комментарий к этому стихотворению такого знатока и энциклопедиста как М. Гаспаров. Но когда почитаемый мною ученый дошел до этих "корзин", он поставил знак вопроса и признался в том, что не знает, о каких корзинах идет речь. Я не нашла подтверждения своей догадке, была огорчена, и начала как тест задавать этот вопрос о корзинах знакомым. Ни у кого не возникло ожидаемой мною ассоциации. Недавно в разговоре с Губарем о "Мелком хулиганстве" я обидела его, высказавшись по поводу его ненормативного словаря. Мы остались недовольны друг другом, перешли к другим сюжетам, почему-то речь зашла о Мандельштаме, и я "протестировала" Олега Иосифовича на предмет венецких корзин. Он на миг задумался, и тут же воскликнул: "Воздушные шары! Корзины — это гондолы!"

Губарь — это Губарь! Можно ли им не восхищаться?!